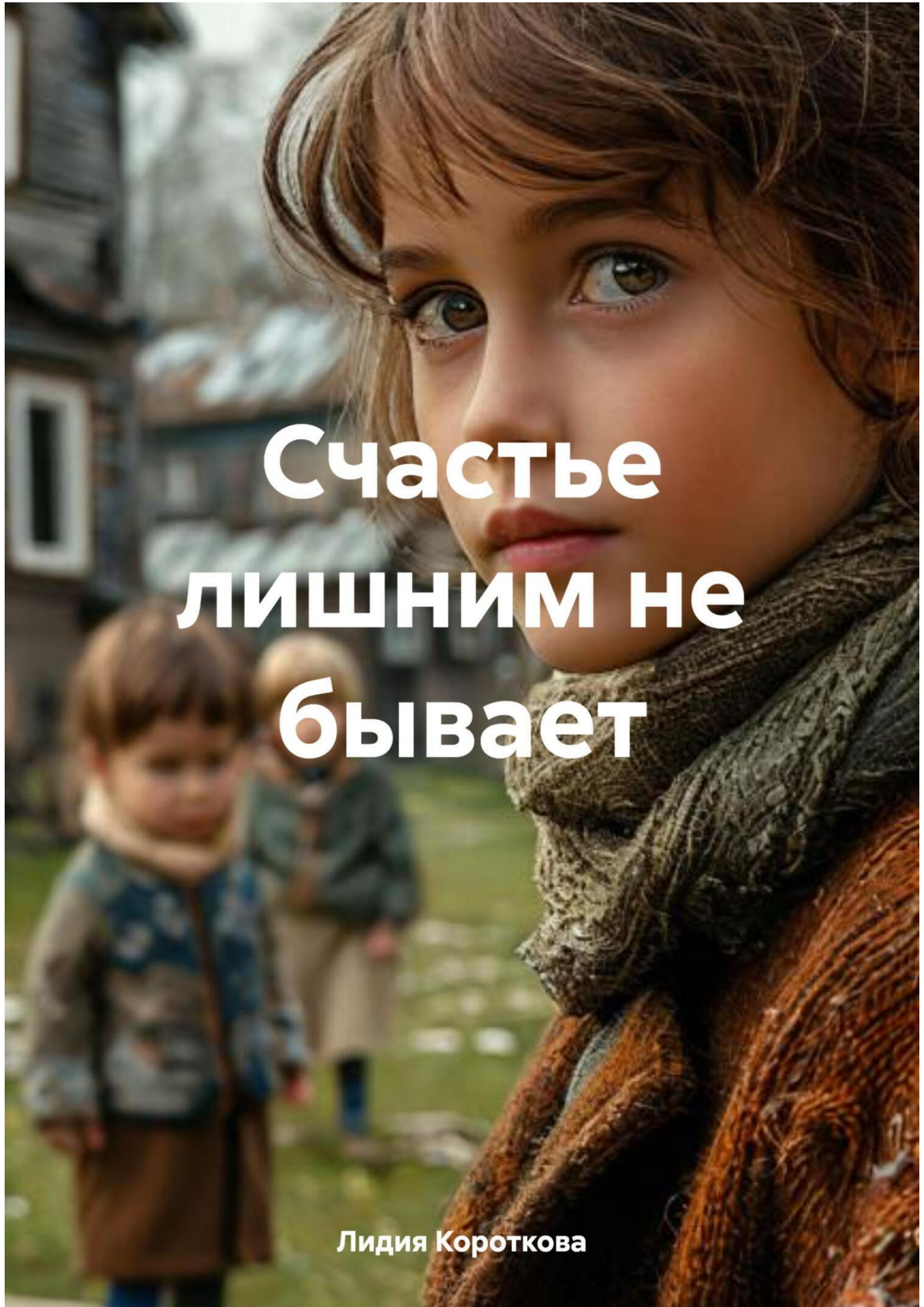

Счастье лишним не бывает

Лидия Короткова

Лидия Короткова

Счастье лишним не бывает

«Автор»

2025

Короткова Л. Е.

Счастье лишним не бывает / Л. Е. Короткова — «Автор», 2025

Героиня повести с раннего детства воспитывается в детских домах и стойко переносит выпавшие на её долю испытания. Рано повзрослев, молодая мама надеется только на себя. Повесть основана на реальных событиях.

© Короткова Л. Е., 2025

© Автор, 2025

Лидия Короткова

Счастье лишним не бывает

—Наталья Юрьевна, как там наш капитан, операция уже закончилась? – выздоравливающий из второй палаты вопросительно смотрел на медсестру, устанавливающую ему капельницу. В палате сразу наступила тишина, все с нетерпением ждали её ответа.

– Пятый час Илья Ильич не отходит от стола, но он и не таких с того света вытаскивал.

– Сестричка, милая, сделайте всё, как следует, а уж дальше он сам. Он не подкачает! Думаете, его первый раз так изрешетило? – как бы не так – пятый!

– Мне объяснять не надо, на нём всё написано, места живого нет – шрам на шраме.

– А я что говорю! – оживился пациент, – ему не впервой – встанет! А уж из каких переделок он выбирался... мать честная... Мы ж с ним три года плечо к плечу, – и, не дождавшись ответа, добавил:– Война вот-вот закончится, как я перед его матерью оправдаюсь, если что? – Не уберёт?

– Успокойтесь, всё обойдётся благополучно, вот увидите.

Медсестра устроила поудобнее руку пациента, бросила взгляд на капельницу и вышла из палаты, уловив за спиной звук чиркнувшей о коробок спички.

– Курят, – догадалась она, но возвращаться не стала, всё равно успеют спрятать папиросы, вежливо и внимательно выслушают её нотацию и, едва за ней закроется дверь, всё повторится.

У двери операционной Наталья увидела хирурга и ускорила шаг.

– Закончили, Илья Ильич? – поинтересовалась она, заглядывая в лицо врача.

Пожилой хирург молча прошёл в ординаторскую и тяжело опустился на стул.

– Удачно? – переспросила медсестра.

Илья Ильич устало махнул рукой:

– Да как сказать – осколки, все четыре, из брюшной полости достал, череп сложил ему из кусочков, всё что требовалось, заштопал. Красоты не обещаю, а жить, надеюсь, будет. Сильный, говорят, парень, – хирург достал папиросы и поинтересовался: – Ты, что ли, сегодня в ночь?

– Нет, Лена.

– Так что же ты не уходишь? Иди отдыхай, весь день на ногах.

– Спасибо, Илья Ильич, скоро уйду, вам бы тоже не мешало отдохнуть после такой операции.

– Я, Натальюшка, привычный. Понаблюдаю за ним сам, а отдохнуть успею.

– До завтра, Илья Ильич, – Наталья виновато посмотрела на хирурга, – там Гуля сейчас одна, мне её накормить надо, вообще-то за ней присматривает соседка, но ей сейчас нездоровится.

– Иди, иди, тебе не в чем оправдываться, – проговорил Илья Ильич уже вслед уходящей медсестре. – Вот ведь какая, в чём только душа держится, а никогда не покажет, что устала. С виду – ребёнок, махонькая, голосок, как у мышки, и откуда только силы берутся. В прошлом году ещё похоронку на мужа получила, и поплакать-то времени не было. Замкнулась и с головой ушла в работу. Сколько же её девчужке? Годков пять-шесть, в школу ещё не ходит. – Он не заметил, как безвольно повисли руки и, покачавшись, медленно склонилась на грудь голова.

– Илья Ильич! – позвала в открытую дверь заступившая на дежурство медсестра, – он проснулся!

Илья Ильич открыл глаза, и дверь тут же захлопнулась, каблучки быстро застучали по коридору.

Хирург быстро поднялся со стула и поспешил за медсестрой.

– Что это она мне сказала? – вспоминал на ходу Илья Ильич, – проснулся? О ком это она? Неужели о моём капитане? Вот это присел! – хирург с удивлением заметил, что уже первый

час ночи,— проспал сидя три часа! — Да, возраст, куда от него денешься. В мирное время давно бы ушёл на покой и занялся воспитанием внука, но об этом оставалось только мечтать — почти четыре года раненные идут нескончаемым потоком, войне нет никакого дела до того, что осенью мне исполнится семьдесят семь и что я давно забыл, когда спал спокойно. Дай-то бог, чтобы до победы сил хватило, недолго осталось. Ничего, ребятки, мы ещё потягемся со смертушкой,— уже вслух сказал Илья Ильич и с этими мыслями вошёл в реанимационную палату.

Около капитана хлопотала Леночка. Лицо раненого было бледным, но дышал он ровно и глубоко.

— Просыпался!— обрадовано повторила медсестра,— глаза открывал, а теперь спит!

— Вот и славно. — Илья Ильич взял руку пациента, прислушался к пульсу, положил ладонь на влажный лоб. На прикосновения врача капитан не реагировал.

—Держись, сынок, твоя война ещё не закончилась, — удостоверившись, что пациент его не слышит, хирург направился к выходу.

На следующий день, в восьмом часу, Наталья была уже на работе.

— Принимай вахту, подружка, — по виду Леночки никто бы не сказал, что за всю ночь она не сомкнула глаз, — смотри, какой орёл! — она кивнула в сторону прооперированного накануне капитана, — два раза за ночь просыпался, мне кажется, что он даже соображает.

Наталья подошла поближе, посмотрела на спящего офицера. «Сколько их на этой кровати замирали с широко открытыми глазами, устремив удивлённый, гаснущий взгляд в одну точку — не сосчитать. Неужели и этот резко вскинет ресницы и... Нет, нет! — он будет жить!» — Наталья привычно положила руку на запястье пациента и обрадовалась — пульс был чёткий и ровный. Медсестра перевела взгляд на его лицо, пересечённое широким шрамом от середины лба до подбородка, и заметила, что раненый приоткрыл глаза и всё его внимание сосредоточено на стакане с водой, оставленном на тумбочке. Его губы чуть заметно шевельнулись. Наталья намочила марлю, несколько раз приложила её к горячим, корявым губам и повесила её на край стакана. Доставая градусник, встретила с осмысленным, красноречивым взглядом и опять взялась за марлю, замечая, как жадно добывает он капли влаги из холодного тампона.

— Хватит, вам ещё нельзя пить,— сказала она шёпотом.

Раненый понимающе кивнул головой и закрыл глаза.

С этого дня каждую свободную минуту она проводила у постели выздоравливающего капитана Великанова Семёна. Долгожданный День Победы он встретил на больничной койке. Выздоровливал капитан на удивление быстро, но чем ближе подходило время выписки, тем тревожнее становилось на душе у Натальи — приближалось время разлуки. Она уже знала, что Семён Великанов будет комиссован из-за серьёзнейшей черепно-мозговой травмы и поедет на Алтай, где у него живёт мать.

— Провожающие, прошу выйти из вагона, до отправления поезда осталось пять минут! — Наталья вздрогнула от резкого голоса проводницы,

виновато улыбнулась капитану с забинтованной головой, сидящему напротив, и растерянно посмотрела по сторонам. Она так глубоко ушла в свои мысли, что потеряла из виду дочь.

— Да здесь она, здесь,— успокоил её Семён,— на второй полке вместе со своими книжками и игрушками. Убедившись, что Гуля на месте, Наталья облегчённо вздохнула, сняла пальто и платок. Соседка по купе всплеснула руками и округлила глаза, не отрывая взгляда от её тяжёлых, тёмных кос.

— Господи, скоро десятый десяток разменяю, а эдакого чуда не видывала, — она протянула руку, осторожно приподняла одну косу, как бы взвешивая её на ладони, и бережно опустила,— ну и тяжесть! Мне бы с такими косами и головы не повернуть! Как же ты, доченька, с ними управляешься?

– Привыкла, я и не представляю, как можно жить без них, мне кажется, что я с ними родилась.

– Счастливый! – словоохотливая соседка посмотрела на капитана добрыми, почти выпуклыми глазами, – жена у тебя красавица. И заботливая, гляжу, и доченька такая умница – от книжки не отрывается.

– Счастливый, – согласился капитан, – домой едем.

– А я вот – из дома, соседка вздохнула, – мужа ещё до войны похоронила, а сына на войне убили, а ведь мог бы и не ходить, бронь у него была, да и немолодой уже, но разве усидишь дома, когда беда такая. А сноха-то, – взгляд женщины сразу стал тяжёлым и суровым, – замуж собралась! Как не стыдно! – и, переводя взгляд с капитана на его жену, продолжала: – Мало ли что похоронку получила – война, всякое бывает. А я не верю, что он погиб, сердцем чувствую – придёт. Уловив сочувствие в глазах попутчиков, женщина тяжело вздохнула и переменила тему. Теперь к сестре еду, у неё никого не осталось, вместе будем доживать, она чуть помоложе меня, тоже пока на своих ногах, а там кто знает...

– Не переживайте, всё будет хорошо, – успокоила её Наталья, – самое страшное уже позади, главное – победили, и эта проклятая война закончилась.

Рано утром все были уже на ногах. По расписанию поезд должен был прибыть в пять тридцать, но он опаздывал. Пассажиры, собрав свои вещи, нетерпеливо поглядывали в окна. В начале седьмого показалась небольшая станция.

– Ну, вот мы и дома! – улыбнулся Семён, – ничего не забывайте.

Поезд, замедлив ход, двигался вдоль деревянного немногочисленного перрона. Наталья заволновалась. До этого момента она была спокойна, а теперь казалось, что сердце вот-вот вырвется из груди. Что ждёт её на новом месте, как примут люди, сможет ли привыкнуть? Она не знала ответа на эти вопросы, но больше всего её тревожило, сможет ли полюбить Гулечку мать Семёна, ведь жить-то придётся под одной крышей. Поезд дёрнулся и остановился. Подходя к концу перрона, заметили женщину, бегущую навстречу.

– Не опоздала! – порадовалась за неё Наталья, – ещё бы минута – и поезд ушёл, жди потом следующего неизвестно сколько.

– Мама?! – удивлённый Семён с радостным криком бросился навстречу женщине, – как ты узнала, я же не писал?!

– Узнала, сынок, узнала – сердце подсказало, – твердила Валентина Михайловна, не обращая внимания на слёзы и не выпуская сына из объятий, – ждала с тех пор, как ты попал в госпиталь, а последнее время все поезда встречала. Бабы говорили, что тяжелораненым сопровождающих дают, а ты, смотрю, один...

– Ошибаешься, не один! – Семён повернул мать лицом к Наталье и Гулечке, – вот и мои сопровождающие, они всегда будут со мной, не переживай, я теперь под присмотром.

Вместо ответа Валентина Михайловна обняла сразу обеих, поцеловала Наталью в голову и прошептала:

– Спасибо, доченька, дай вам Бог счастья! – и, ласково посмотрев на ребёнка, добавила: – А я и не знала, что у меня такая большая внучка выросла! А косы-то, косы! Ой, береги, алтайские мальчишки такие бойкие! – и счастливо рассмеялась: – Не бойся, я тебя в обиду не дам!

Наталья успокоилась и с любопытством поглядывала по сторонам. А это что? – поинтересовалась она, показывая на небольшой домик с закрашенным белой краской окном.

– А это наш медпункт, только работать там сейчас некому. Медичка вслед за мужем на войну убежала – раненых спасать, да не уберегла ни его, ни себя... царство им небесное, – Валентина Михайловна перекрестилась, – сиротку теперь бабушка воспитывает, – пояснила она уже Наталье.

За разговором не заметили, как прошли всю длинную улицу и оказались у предпоследнего дома, точнее домишки с двумя окнами и живописно осевшей крышей, огороженного

невысоким, подгнившим штакетником. Валентина Михайловна распахнула калитку, пропустила гостей вперёд, незаметно перекрестила со спины, благодаря Бога и всех святых сразу, по великой милости которых счастье выбрало именно её избушку, и поспешила следом.

На новом месте Наталья освоилась быстро. К деревенскому дому ей не привыкать: всё детство провела в деревне. Не успев осмотреться, она уже наводила порядок в деревенском медпункте.

Казалось, и оглянуться не успела, а за столом рядом со старшей дочерью Гульнарой уже сидели два сынишки с разницей в возрасте в полтора года, но похожие, как близнецы. Наталья не могла нарадоваться. Как медик она понимала, насколько тяжёлыми были ранения у её мужа, готова была ко всему, но прогнозы врачей не подтверждались, его психическое здоровье не вызывало никаких опасений. Семён работал на электростанции, а в свободное время плотничал. Материнская избушка его стараниями превратилась уже в добротный дом, в котором всем хватало места.

По деревенским меркам их семья была не многодетной, и, когда Наталья поняла, что будет ещё один ребёнок, она не раздумывала – счастье лишним не бывает. Так на свет появилась ещё одна дочь с красивым именем Надежда. На голове новорождённой малышки во все стороны торчали густые, длинные волосы, которые делали её похожей на ёжика и вызывали невольную улыбку. Надежда качалась в зыбке, мусолила соску ещё и понятия не имела, как неласково обойдётся с ней судьба. А пока она была младшенькой, росла здоровенькой и бойкой, всеобщей любимицей. Гульнара играла с сестрёнкой, кормила её, водила гулять, учила рисовать карандашами и гордилась, что у трёхлетней малышки всё так хорошо получается, а Надюшино место в люльке уже занимал её младший братик, двухмесячный Ванюша.

Валентина Михайловна проснулась рано, хотелось ещё понежиться в постели, но заставила себя сесть. С вечера она поставила тесто, пора было растапливать печь. Пошарив в темноте по столу, она нашла свои таблетки, положила одну в рот и привычно проглотила, не запиная. После известия о тяжёлом ранении сына она перенесла инсульт, но здоровье, казалось, восстановилось. Сыну она об этом даже не сказала, а вот с невесткой посоветовалась. Теперь, когда появился рядом личный доктор, она чувствовала себя уверенно, спокойно и даже иногда пренебрегала таблетками.

– Сиди не сиди, а вставать надо, – заставляла она себя, подавляя соблазн положить на подушку тяжёлую голову, и решительно поднялась с кровати. Сделав несколько шагов, как подкошенная, рухнула на пол. Наталья, уловив характерный звук, мгновенно проснулась, включила свет и подбежала к свекрови. Лицо Валентины Михайловны было искажено: один глаз закрыт, рот перекосило, безжизненные рука и нога не реагировали на прикосновения. Вдвоём с Семёном они перенесли больную на кровать, а через несколько минут Наталья уже сделала необходимые уколы и установила капельницу. Больной хуже не становилось, но и улучшения не наступало. Правая нога и правая рука оказались парализованными, речь нарушена настолько, что понять, что она говорит, стало почти невозможно. Первые дни она пыталась что-то сказать, а потом и совсем замолчала, только беззвучно шевелила губами, переводя взгляд с одного внука на другого, и виновато смотрела на Наталью, которой её болезнь прибавила столько забот.

Мальчики притихли, старались проходить мимо бабушки на цыпочках и побаивались смотреть на её чужое и такое некрасивое лицо, а маленькая Надюша, наоборот, ни на минуту не отходила от бабушки. Она трогала пальчиками закрытый глаз, гладила маленькой ладошкой мокрые от слёз щёки и твердила: «Посмотри на меня, бабуля, ну посмотри, открой глазик!».

Валентина Михайловна гладила здоровой рукой внучку по густым волосам и пыталась что-то сказать, но не могла выговорить ни слова.

– Бабушка, не притворяйся, говори правильно, я не понимаю,– капризничала Надюша и теребила бабушкину руку.

– Уйди, не мешай.– Наталья хотела снять дочь с бабушкиной кровати, но, посмотрев на свекровь, ограничилась тем, что строго сказала:

– Тихо сиди, не приставай, видишь – бабушка болеет.

Надюша притихла на минутку и опять принялась за своё: «Говори, бабулечка, говори, зачем ты молчишь?»

Выздоровливала Валентина Михайловна медленно, даже слишком медленно, надежды на то, что она встанет на ноги, почти не было. Но ведь не зря говорят, что беда не приходит одна, так и случилось.

Семён давно проснулся и лежал, боясь пошевелиться. Нестерпимо болела голова. К слабый боли он уже давно притерпелся, сжился с ней и никогда о ней не говорил. Как хорошо, что сегодня праздник, Седьмое ноября, на работу не идти – сил нет. Наталья тоже не спешила вставать. Их первоклашка и второклашка пойдут на демонстрацию к десяти, костюмчики уже приготовлены с вечера, а завтрак им всегда готовит Гульнара. «Даже жалко, что она уже через два года школу окончит. Четырнадцать лет, а какая самостоятельная девочка, – думала Наталья, наблюдая, как дочь командует братишками, поторапливая их. Даже Ванюшка не просыпался, а он ранняя птичка, обычно уже в шесть часов всех на ночи поставит. Не успела она и порадоваться непредвиденному отдыху, как Ванюшка заворочался и захныкал в своей кроватке. Гульнара метнулась к нему, подхватила на руки: «Беги к маме, она ещё не встала», – подсказала она. Ванюшке не надо было повторять. Прошлёпав босыми ножками через всю комнату, он вскарабкался на кровать, ловко перебрался через Наталью и, оказавшись под одеялом, уютно устроился на подушках между родителями. Через минуту он уже крепко спал.

– Что это с ним сегодня? Опять заснул. – Наталья посмотрела на мужа. Семён не отвечал.

– Сёма, спишь, что ли?

– Голова разламывается, полежу.

– Лежи, лежи, сейчас таблеточку дам, и его перенесу, чтобы не мешал.

– Оставь, пусть спит, – возразил Семён, обнимая сынишку,– и таблетки не надо, так пройдёт.

Резкий требовательный стук в окно заставил обоих вздрогнуть. Так стучат, когда случается беда. Наталья метнулась к двери.

Под окном стоял мужчина без верхней одежды и в ботинках на босу ногу.

– Ты что, Павел? – Наталья сразу узнала деревенского кузнеца Дорожкина, отца многодетного семейства, – Дарья, что ли, рожает?

– Рожает, Наталья Юрьевна, рожает! Это надо же так подгадать, – в праздник, седьмого ноября!

– Ну, и что ты так переполошился? Она и без меня с этим делом прекрасно справляется. Постой-постой, это уже восьмой?

– Обижаете, Наталья Юрьевна, – расплылся в улыбке многодетный отец,– уже восемь, а сегодня девятый будет!

– Заходи в дом, не стой на холоде, я сейчас соберусь и пойдём.

– Полетим, Наталья Юрьевна, вон моя ракета, – он кивнул в сторону мотоцикла, лично собранного из запчастей.

– Я к Дорожкиным ненадолго,– полежи спокойно,– уже с порога бросила Наталья и торопливо вышла за дверь.

Звук двигателя мотоцикла, на котором деревенский кузнец увёз его жену, показался Семёну чрезмерно громким. Он поморщился, потёр виски, отвернулся к стенке и закрыл глаза. Он не заметил, как дети ушли в школу, не видел, как Надюша наливала из чайника воду и давала бабушке пить. Он был уже в другом, не существующем, но знакомом до мелочей, когда-

то реальном мире: кровь заливала глаза, густой туман с запахом пороха мешал ему рассмотреть окраину деревни Романовка, погибших товарищей и фашистов, которые его окружали. У него ещё есть автомат, граната и даже это берёзовое полено, непонятно откуда взявшееся. Он будет биться до последней капли крови, колоть ножом, рвать зубами, но живым его не возьмут – не на того напали...

Павел с медсестрой лихо подкатил к своему дому, резко затормозил, заглушил двигатель, и в тот же момент оба ясно расслышали крик младенца, заявившего о своём появлении на свет. Дарья виновато посмотрела на вошедших и счастливо улыбнулась:

– Не дождалась, Наталья Юрьевна, моего торопыгу только за смертью посылать!

Павлу оставалось лишь соглашаться: он действительно не успел – за пятнадцать минут, потраченных на доставку фельдшера, любимая жена превратила его в счастливого отца девятилетнего ребёнка. Родилась здоровенькая рыжеволосая девочка.

– Ой, какая яркая! – удивился Павел, – до сих пор рыжее меня во всей деревне не было, аж глаза режет! Сдаюсь, уступаю первенство!

Через два часа Наталья засобиралась домой. Могла бы уйти и раньше, роды прошли благополучно, но Павел протестовал, заявляя, что просто так они с женой её ни за что не отпустят, ведь это не просто седьмое ноября, а двойной праздник, который надо обязательно отметить.

– Слушай, мать, давай назовём дочку Натальей, в честь нашего фельдшера, пусть растёт такая же добрая и отзывчивая, и красивая, – добавил он, смутившись.

– Давай, – с радостью согласилась Дарья, – мне тоже это имя нравится, пусть будет такая же красавица и такая же счастливая, как наша Наталья Юрьевна, только с рыжими косами, а не с тёмными. Доставай, Павел, свою заначку.

Наталья могла ожидать что угодно, но не шампанское.

– Уму непостижимо, где же ты достал его в такой глуши?

– Достал вот, – гордо улыбнулся Павел, – брат из Москвы привёз. Специально для этого случая.

Хлопок из бутылки шампанского для новорождённой Натальи Павловны Дорожкиной, появившейся на свет в тридцать пятую годовщину Октябрьской революции, прозвучал как праздничный салют.

Когда Наталья сняла с вешалки своё пальто, Павел тоже взялся за телогрейку.

– Минуточку, Наталья Юрьевна, обратно полетим на моей ракете по той же траектории.

– Тогда уши ватой заткну, – пошутила Наталья, – от этой ракеты оглохнуть можно.

Попрощавшись с роженицей и взглянув ещё раз на спящую малышку, Наталья вышла за дверь. Мотоцикл сорвался с места и с рёвом понёсся по улице, распространяя в свежем, морозном воздухе запах выхлопных газов. Лихо затормозив, Павел остановился у самой калитки.

– Спасибо, Наталья Юрьевна, извините, что в выходной день вас подняли.

– Спасибо говори своей жене. Надеюсь, что не последний раз по такому поводу меня побеспокоили. Ты к моему дому дорогу знаешь, через год-другой опять прилетишь на своей ракете, где девять, там и десять, – пошутила Наталья, – так что заказывай московскому брату ещё шампанское, – и спохватилась: – Ой, надо было в магазин зайти, как же я забыла. Да ладно, – она махнула рукой и улыбнулась Павлу, – схожу потом. – И скрылась за дверью.

– Вот, растяпа! – спохватился Павел, – надо было свозить её в магазин, и как я не догадался.

Он завёл мотоцикл, развернулся, подъехал к калитке, заглушил двигатель и направился вслед за фельдшером, не желая оставаться неблагодарным.

Открыв дверь в сени, он остолбенел: Наталья Юрьевна лежала на полу в луже крови, а Семён с обезумевшими, белыми от злости глазами, сидя на безжизненном теле жены, с нече-

ловеческой быстротой колотил по её голове суковатым берёзовым поленом, разбрызгивая во все стороны кровавое месиво.

Павел одним прыжком мгновенно обрушился на Семёна всем своим весом. Тренированному кузнецу с трудом удалось отобрать окровавленное полено у обезумевшего человека и связать его брючным ремнём. Наталье помощь уже не требовалась.

Надя сидела в коридоре детского дома перед дверью кабинета директора, в котором листали её личное дело и определяли, в какую комнату её подселить. Комнаты, в которых проживали её ровесницы, были переполнены, решение вопроса затягивалось, и Надя развлекала себя как могла. В коридоре не было ничего интересного, он почти ничем не отличался от коридора в её предыдущем детском доме: такие же выкрашенные в зелёный цвет стены, коричневый пол, на подоконнике цветущая герань, на стенах графики дежурств и фотографии лучших учеников.

Напрягая слух, Надя прислушалась к разговору в кабинете и поняла, что её хотят подселить к старшим девочкам. Кто-то говорил о какой-то Алевтине, которая возьмёт её под своё крыло, а другой человек возражал и настаивал на том, чтобы всё-таки потеснить младших и поселить её с ровесницами.

Наде надоело слушать, и она стала наблюдать за пожилой женщиной, которая мыла пол в коридоре. Бойко орудуя тряпкой, та уже приближалась к двери кабинета директора. Надя пересела на крайний стул и поджала ноги.

– Сиди, сиди, деточка, – ты мне не мешаешь. – Голос был добрый и ласковый, и Наде захотелось поговорить.

– А меня Надей зовут, я теперь буду здесь жить, только недолго, – сообщила она, – скоро у меня будут новые мама и папа, они уже приезжали ко мне в старый детский дом, меня отсюда заберут!

– А меня зовут Пелагея Григорьевна, я здесь ночной няней работаю и полы мою.

Няня Наде понравилась, но она тут же забыла, как её зовут, и не знала, как продолжить разговор.

– Пелагея Григорьевна, – перед ними остановился мальчик немногим старше Нади, – я уже всё вымыл.

– Молодец, Вова, твоё дежурство кончилось, остальное я сама.

– Какое имя у вас трудное, я наверно, опять забуду, – призналась Надя.

– Что же в нём трудного? А забудешь – зови няней, да и всё, сразу всех не запомнишь, а потом привыкнешь, все будут как родные. На-ка вот, – няня достала из кармана горсть кедровых орешков, – погрызи, чтоб не скучно было. А это тебе на память, чтобы первый день добром запомнился, – и она протянула блестящие серёжки в виде кленовых листочков, закреплённые на маленьком квадратике плотной белой бумаги, – купила одной внучке, отдаю другой, моя не обидится. А вот тебе и ларец для колец, – няня высыпала в карман остаток спичек из большой коробки и подала коробку Наде. – Положи, чтоб не потерялись. Вырастешь – носить будешь да меня вспоминать. А вот и ваша Нина Викторовна.

– Пойдём, Великанова, – воспитательница взяла Надину сумку с вещами и пошла по длинному коридору, – сейчас я тебя отведу в комнату, где ты будешь жить. Девочки там постарше, чем ты, но с ними тебе ещё и лучше: и сами не обижают, и другим не дадут.

– А как их зовут.

– Сейчас познакомишься.

Комната показалась Наде очень большой. В ней запросто могло поместиться кроватей десять, а стояло только три. За столом сидели две девочки года на три-четыре постарше её.

– Принимайте в свою компанию. Это Надя, она будет жить с вами, сейчас ещё одну кровать поставим, – сообщила им Нина Викторовна.

– Она же маленькая. Почему её к нам? – удивились будущие соседки.

– Потому и к вам, что маленькая, будете её опекать. Она к нам поступила из другого детского дома. Не обижайте её. Пойдёмте, принесём для неё кровать.

Девочки вышли вслед за воспитательницей. Надя осмотрелась. Комната ей понравилась, да и девочки тоже. Не прошло и полчаса, а она уже сидела на своей кровати в окружении новых знакомых и ела сушёные груши, которыми её угостила соседка по комнате Зина, высокая светловолосая девочка. Надя уже знала, что она перешла в четвёртый класс и в детском доме живёт уже три года. Вторая соседка, Галя, была корейкой, и Надя с любопытством разглядывала её смуглое широкое лицо, весёлые узкие глаза и блестящие чёрные волосы, перевязанные атласной лентой.

– Такая красавица ни за что не обидит, – решила Надя и не ошиблась.

– Да ты не бойся, тебе у нас понравится, – улыбнулась Зина, – я тоже здесь живу недавно, вместе будем привыкать.

– А вон там кто спит? – поинтересовалась Надя, кивнув на кровать, на которой лежал плюшевый медвежонок.

– Тинка, она сейчас в спортзале. С ней мы никого не боимся, она любого отметелит.

– Правильно, – послышалось от двери, – зря, что ли, тренируюсь. А это и есть новенькая?

– Да. Это Надька, – она будет жить в нашей комнате, – пояснила Галя.

– Знаю уже.

Надя молча разглядывала новую соседку. Сначала ей даже показалось, что это мальчик: коренастая, широкоскулая, с короткой стрижкой и кривоватыми ногами. При разговоре Тинка щурила глаза, кривила рот и даже брызгала слюной сквозь редкие зубы.

– Хочешь территорию посмотреть? – Тинка смотрела на новенькую и с интересом.

– Хочу, только я отсюда скоро уеду, меня заберут.

– Кто это тебя заберёт такую красавицу? – Тинка сощурилась, разглядывая новенькую.

– Новые мама и папа. Они скоро приедут и будут жить в этом городе.

– Заберут, заберут, – рассмеялась Тинка, – держи карман шире. Что-то до сих пор никого не забрали.

– А ты не смейся, – заступилась Галя. – Надь, а тебя, правда, заберут?

– Да, мой новый папа офицером работает, у него большие звёздочки на погонах, а мама учительница, – похвасталась Надя, – они меня выбрали в старом детском доме. Они приедут и придут за мной, вот.

– Так ты пойдёшь с нами или будешь ждать, когда за тобой придут? – ехидно спросила Тинка.

– С вами пойду.

– Пойдём, – поддержали девочки, до ужина ещё полчаса.

– Оденься, – посоветовала Галя.

– Я закалённая, мне не холодно.

Надя поёживалась, но, заметив, что никто из девочек не надевает тёплую одежду, захотела быть, как все.

– Нет уж, одевайся, а то нам за тебя влетит, – приказала Тинка.

Надя послушно надела шерстяную кофту, связанную когда-то бабушкой, и достала из сумки шапку.

– Шапку можешь не брать, – позволила Тинка, – с такими космами, как у тебя, и на Северном полюсе не замёрзнешь.

На улице было по-весеннему тепло, снег почти весь растаял. Со всех сторон смотрели незнакомые ребята, которые казались Наде на одно лицо – чужая, шумная, галдящая толпа.

– А это наша Звёздочка, – Зина погладила по боку рыжую длинногривую лошадь с белой звёздочкой на лбу, запряжённую в телегу, нагруженную мешками, коробками и бумажными кулями. – А это Воронок, её сын.

Тонконогий Воронок боязливо жался к матери и косил на девочек настороженными глазами.

Надя приблизилась к лошади и легонько дотронулась пальцами до её бархатных губ.

– Не подходи близко, а то лягнёт, – предупредил Галя. Так она смирная, но сейчас за своего жеребёнка беспокоится. На ней продукты возят, землю пашут. Мы здесь всё на своём огороде сами выращиваем: и картошку, и капусту, и свёклу. Ты ещё увидишь, какие у нас поля. А вон там курятник, каждый день по ведру яиц собираем!

Надя заметила разноцветных кур, разгребаящих что-то на обнесённой сеткой территории.

– Ой, какие красивые, а у нас дома только белые были!

Сзади раздался громкий петушиный крик, и красивый яркий петух, подпрыгнув, вцепился когтями в Надину вязаную кофту и больно ударил её в макушку крепким, острым клювом. От неожиданности и страха Надя вскрикнула и присела. В то же мгновение Тинка ловко схватила петуха за крыло и отбросила далеко в сторону, но петух и не собирался сдаваться. Захлопав крыльями, он издал пронзительный крик и снова ринулся в атаку. Прикрыв руками голову, Надя бросилась к спасительной двери. Тинка пыталась догнать обидчика и ударить ногой, но петух оказался проворнее и успел клюнуть новенькую в макушку ещё раз.

– Это Долбак, – объясняла Зина, осматривая Надину голову, – на кого-то и не смотрит, а кому прохода не даёт. Зря ты от него побежала, теперь берегись. Будет думать, что ты его боишься, заклюёт, зараза!

Надя не думала о том, что будет потом, она была рада, что оказалась в своей комнате, куда зловредному петуху не добраться.

– Девочки, на обед пора, – напомнила Нина Викторовна и закрыла дверь.

– На обед пога, – передразнила воспитательницу Тинка, умышленно искажая букву «р». А то мы сами не знаем, что «пога», – поддержала подругу Галя. Девочки рассмеялись.

– Пойдём, Надька, чуешь, как котлетами пахнет?! Это в честь твоего приезда.

Надя не знала, верить им или нет, но вкусный запах котлет был в пользу того, чтобы поверить, ведь сегодня её первый день в этом детском доме, а это почти то же самое, что и день рождения.

– А у меня вот что есть, – Надя открыла свою коробку с серёжками.

– Это где ты такие надыбала, – удивилась Тинка, – золотые что ли?

– Не знаю, мне няня подарила. Драгоценные! Видишь, как блестят!

– А что же ты их в коробке держишь, на уши надо вешать, – уверенно заявила Тинка.

– Я ещё маленькая.

– Какая ж ты маленькая? Тебе скоро шесть лет! Давно пора уши проколоть. Не боишься?

От слова «проколоть» Надя поёжилась, но желание быть красивой пересилило, и она отрицательно замотала головой, давая понять, что ничего не боится.

– Тогда надо нитку шёлковую найти, а сейчас айда на обед.

Для Нади в новом детском доме пока всё было чужим и непонятным, и она старалась не отставать от своих соседок по комнате. В большой столовой столы были уже накрыты, ребята разного возраста быстро занимали свои места, за каждый стол усаживалось по четыре человека. Оказавшись за одним столом с девочками из своей комнаты, Надя успокоилась и с любопытством смотрела по сторонам. На своей тарелке она обнаружила большую котлету с макаронами, и от её беспокойства не осталось следа. Оказывается, она очень сильно проголодалась, но почему-то вспомнила об этом только сейчас.

– Приятного аппетита, ребята, – пожелала Нина Викторовна, – я сейчас приду, – и она вышла за дверь.

Надя пододвинула к себе поближе тарелку с горячим супом.

– Вкусно! – сообщила она подругам.

– Вкусно, вкусно, ешь, пока не остыл, что ты его рассматриваешь, – девочки улыбались. – Ты сегодня ела что-нибудь?

– Да, груши.

– А ещё что?

– Ела, кажется, – Надя задумалась.

– Всё понятно, – Тинка придиричливо осмотрела её с ног до головы, – тебе же скоро шесть лет, а ни за что не поверишь, что тебе через год в школу. Ешь, как цыплёнок, вот и не выросла. Теперь мы над тобой шефство берём, будем откармливать.

– Нечего её откармливать, карлик она! – послышался совсем рядом писклявый мальчишеский голос. – Задохлик!

– От горшка два вершка, – раздалось с другой стороны, вот уж Великанова так Великанова!

Надя подняла голову: рядом с их столом стоял рослый мальчик с наколкой на руке.

– Сам ты карлик, – огрызнулась она.

Раздался дружный смех. Мальчик выглядел значительно старше многих воспитанников. Он давно курил, имел крепкие кулаки и привык командовать старшими ребятами.

– Заткнись, кнопка, – рука с татуировкой потянулась к её тарелке, – у тебя ещё зубки не прорезались, так что мясо тебе вредно.

Надя и моргнуть не успела, как её котлета оказалась уже у него во рту.

– Учись, Сёмка, как надо жить, дожёвывая котлету, поучал он смуглого парнишку лет семи, который вертелся рядом.

Угождая своему покровителю, Сёмка дёрнул новенькую за косу и тут же получил от неё кулаком в бок. От неожиданности Сёмка пискнул и, открыв по-рыбьи рот, часто заморгал чёрными, с круто загнутыми ресницами глазами, не решаясь дотронуться до её кос ещё раз.

– Это ещё что такое?! Быстро по местам, – раздался голос воспитателя.

Нина Викторовна прошла между столами и назидательно сказала, обращаясь к новенькой:

– Надя, сначала надо есть суп с хлебом, а потом уже котлету с гарниром, а не наоборот.

Надя промолчала. В таких советах она не нуждалась, она уже давно знала, как и с чем надо есть мясные котлеты, и прекрасно обходилась без подсказок.

– Это Граф, – шепнула Зина, едва Нина Викторовна отошла от стола, – ты с ним не связывайся. Хочет он котлету – отдай, пусть жрёт, и молчи. Он всегда с ножом ходит. – И, понизив голос так, что Надя едва разбирала слова, сообщила: – Его папа кого-то зарезал и в тюрьме сидит. Граф говорит, что он тоже кого угодно запросто ножом пырнёт.

Надя недоверчиво посмотрела на Графа: высокий, худенький – кожа да кости, светлые волосы острижены под машинку. Нет, он не показался страшным, он был даже чем-то похож на её старшего брата. А может быть, и не был похож – время уже стирало из её памяти черты и брата, и сестёр, и родителей.

После обеда Тинка вернулась в комнату уже с шёлковой ниткой в руках. Пригласив Галю в ассистенты, она принялась за дело. Ухо обожгло огнём, на глаза навернулись слёзы, но Надя не пикнула.

– Молодец, – похвалила Тинка, – давай второе ухо. Теперь платок повяжи, – командовала она, и не говори никому, а то увидят, вытащат нитки, уши зарастут, и придётся опять колоть.

Целую неделю Надя ходила в платке, а по вечерам девочки передёргивали нитки, не давая им вращаться, и протирали ей уши одеколоном. Она вытерпела всё, а когда уже можно было вставлять серёжки, та же Тинка со знанием дела сообщила:

– Не вздумай серёжки вставить. Увидит директор – оторвёт вместе с ушами, он у нас строгий!

Серёжки так и остались лежать в коробке. Пелагея Григорьевна скоро подарила ей ещё одни, голубенькие, под цвет нового платья, но это уже другая история.

Несколько дней на обед подавали макароны и кашу, и Граф к их столу не приближался. Надя спокойно заканчивала свой обед, ей нравились и суп, и каша, и макароны. В субботу, перед обедом, по коридорам опять поплыл приятный запах жареного мяса. На этот раз Надя, наученная горьким опытом, заранее решила начать обед с котлеты вопреки установленному воспитателем порядку. Едва она взяла в руки вилку, у их стола, как из-под земли, вырос Граф. Ухмыляясь, он потянулся за котлетой. Через мгновение Надина вилка с силой вонзилась в котлету, пробив её насквозь, тарелка треснула. Реакция у Графа оказалась превосходной, уже коснувшись котлеты пальцами, он успел отдернуть руку. Ошалело глядя на девочку, Граф pokrutyл пальцем у виска:

– Дура, ты что вытворяешь? Сопля!

– Не подходи! совсем не по-детски, сквозь зубы, предупредила она, демонстративно выставив вперёд вилку.

– Вот ёжик, – рассмеялся Граф. – Да лопай ты свою котлету! – И добавил, обращаясь уже к зрителям: – Страшнее Ёжки зверя нет! – Граф легонько похлопал девочку по спине и притворным голосом попросил: – Не пугай, а то ведь заикаться стану. Хочешь, я тебе и свою котлетку отдам?

Надя молчала, не сводя с обидчика настороженных глаз, готовая в любой момент пустить в ход свою вилку.

Свою котлету он, конечно, не отдал, да Наде и одной хватало, но зато с того дня в столовой никто не покушался на её порцию.

– Внезапное нападение – половина успеха. Молодец Надька. Так и надо. – Тинка ласково похлопала новенькую по спине, – лупи всех подряд.

– Зачем учишь этому, она же маленькая, – упрекнула Зина.

– Учу выживать, она должна уметь за себя постоять.

– Вот и привыкнет всё решать кулаками.

– Пусть привыкает, зато не будет на эти кулаки сопли наматывать.

С лёгкой руки Графа прозвище Ёжик так и прилипло к ней на долгие годы, заменив настоящее имя.

Перед Седьмым ноября все детдомовцы получили от шефов подарки. Девочки крутились перед зеркалом в новых платьях, а Надя всё ещё держала свой подарок на коленях, ощупывала бумагу и старалась угадать, что в ней. Ожидание подарка куда приятнее, чем сам подарок. Ждать можно долго, но стоит развернуть бумагу, и сюрприз сразу же перестанет быть сюрпризом. До вечера она перекладывала бумажный свёрток из тумбочки на кровать и обратно и наконец, напитав свою душу радостью, решила разорвать бумагу.

В свёртке оказалось точно такое же голубое платье с двумя большими карманами, как и у соседок по комнате. Сбросив своё платьице, Надя нырнула в новое и, на ходу завязывая пояс, побежала в коридор к зеркалу.

Из платья, купленного шефами для девочки шести-семи лет, для неё можно было выкроить почти два – подол доставал до самого пола. Губы девочки мелко задрожали, отражение в зеркале превратилось в бесформенное голубое пятно, и только густые ресницы мешали пролиться обильным слезам.

– Это что же у нас за красавица такая? Это что же за принцесса? – услышала она над собой знакомый голос няни. – Хоть сейчас на бал!

Надя смахнула слёзы и подняла на няню мокрые глаза, она всё ещё готова была расплакаться. Няня, конечно, сразу поняла, в чём дело.

– Не переживай, деточка, – она ласково погладила ребёнка по голове, – а ножницы-то на что? А зачем нужна няня, если она не умеет ими пользоваться? Пойдём со мной.

Через час сияющая Надя вернулась в комнату в новом платье и принесла голубую юбку, украшенную кружевом. Платье было обрезано по самые карманы и выглядело иначе, чем платья других девочек, чему она только радовалась: уж теперь-то своё с чужим никогда не спутает: таких больше ни у кого нет.

Наступило лето. За несколько месяцев в новом детском доме Надя полностью освоилась, жизнь стала привычной и понятной. Зловредный петух не упускал случая доказать, кто главней. В холод от него спасала тёплая шапка, но не надевать же из-за него шапку летом. Приходилось терпеть. Зато Звёздочка охотно давала себя погладить и даже позволяла покормить с ладони сахаром Воронка.

Надя давно заметила, что около лошадей всегда вился один и тот же мальчишка. Он чистил лошадь и жеребёнка щёткой, заплетал в косы гривы, приносил им из столовой свой сахар. Звали этого мальчишку Витька Орёл. С ранней весны Витька ходил без рубашки, загорал до черноты и становился похожим на цыгана, а может быть, и был цыганом, об этом никто не знал, да и не задумывался, а вот о том, что он умеет воровать и не попадаться, знали все.

Надя сидела на бревне и грелась на солнышке, бдительно поглядывая по сторонам – не появится ли Долбак, но появился не Долбак, а Витька. Майка не его животе подозрительно топорщилась, похоже, что под ней был спрятан щенок или кошка. Витька бережно поддерживал свой неестественно огромный живот обеими руками.

– Эй, новенькая, подь сюда, – позвал он, – глянь, что у меня есть.

Надя давно уже не считала себя новенькой, но поднялась с бревна и направилась к нему.

– Подставляй карман, – приказал Витька. Ничего не понимая, Надя смотрела на мальчика.

– Что рот разинула, шмакодявка? Бери!

Надя приподнялась на цыпочки и заглянула под майку. Там была не собака и даже не кошка. Всё смуглое Витькино тело было облеплено... конфетами-подушечками.

– Бери, бери, – подбадривал Витька. – Они слиплись, отрывай комок побольше, устрой себе сладкую жизнь.

Надя пыталась оторвать немножко, но у неё не получалось. Наконец у неё в руках оказался огромный ком слипшихся конфет. Конфеты подтаяли, но от это вовсе не стали менее вкусными. Сидя на дровах, отковыривала конфеты и с благодарностью смотрела на Витьку, которого уже окружили любители сладкого.

– Вот это да! – удивилась Зина, – где ты их нашла?!

– Витька дал.

– Ну и Орёл! – восхищалась Тинка, опять в складе натырил! Никому свои ходы не показывает.

– Правильно делает, – вставила Галя, – зато не попадается. – И все согласились.

Сладкая жизнь бурлила в этот вечер во всём детском доме до самого отбоя.

Надя давно проснулась, но так и лежала с закрытыми глазами, вспоминая свой сон. Принилось, что она болела ветрянкой, и было во сне всё точно так же, как когда-то в раннем детстве: она сидела на кровати, поджав под себя ноги, а мама смазывала зелёной красные пятнышки на её лице и теле. Сон отличался от жизни лишь тем, что наяву она рассматривала тогда в зеркало себя, а сегодня, во сне, рассматривала и старалась запомнить маму. Она даже

понимала во сне, что это сон, что он скоро закончится, и ей больше всего хотелось до мельчайших подробностей запомнить родное лицо.

В её сне мама была в том же зелёном платье, в котором часто ходила на работу. На это платье она надевала белый халат. Это платье и даже запах медпункта, которым оно было пропитано, Надя почему-то помнила лучше, чем лицо или голос мамы.

Как Надя ни старалась, сон не возвращался, но и не стирался из памяти совсем. Раньше, когда Гульнара говорила, что мама была красавицей, Надя просто верила ей, а теперь она это знала. Теперь она уже не маленькая и никогда не забудет дорогие черты. А косы у неё уже почти такие же, как у мамы, а подрастёт, станут точно такие. А ведь она вчера чуть не согласилась их отрезать. Нет уж! Пусть няня лучше обсыпает голову дустом, как делала это и раньше, а отрезать такую красоту она не даст.

Девочка поворочалась, поскребла голову, успокаивая зуд, и опять углубилась в воспоминания о раннем детстве. Всё это было очень-очень давно. Она любила бывать у мамы на работе, народ там появлялся редко, люди не любили болеть, обращались только в крайнем случае. Мама снимала с неё обледевшие варежки, клала на табурет к печке её валенки, одевала ей на ноги согретые шерстяные носки и сажала к столику, который стоял за печкой. Там лежали карандаши, бумага, но рисование её не интересовало. Посидев пять-десять минут, она тихонько пробиралась к шкафчику с лекарствами и рассматривала коробочки с таблетками, пузырьки с настойками и витаминами. Она гордилась тем, что безошибочно может определить по запаху, в каком пузырьке находится нашатырный спирт, в каком йод или раствор марганцовки, но привлекали её, конечно же, не таблетки, а витамины. Они казались во много раз вкуснее, чем конфеты, и самое обидное, что больше двух-трёх горошин в день получить никогда не удавалось, никакие хитрости и уговоры на маму не действовали.

В это утро вспомнилось даже, как она сама «лечила» от ветрянки крошечного братишку Ванюшку: пока Гульнара развешивала пелёнки, она успела разрисовать его зелёнкой с головы до ног. Тогда мама ругалась и смеялась одновременно.

Всё-таки жаль, что сон такой короткий. Вспомнив, что сегодня выходной день и можно поспать подольше, Надя блаженно потянулась, отвернулась к стенке и с головой укрылась одеялом.

– Вставай! – Зина настойчиво трясла Надю за плечо, – ты что, забыла, что сегодня твоя очередь?

Надя вскочила, сон как рукой сняло. Мечты мечтами, но сегодня утром она во что бы то ни стало должна выбраться за территорию детского дома и раздобыть сигарет или окурков – как повезёт. На сигареты рассчитывать не приходилось. Маловероятно, что встретится добрый человек, которому взбредёт в голову поделиться куревом с двенадцатилетней девчонкой. Никому нет никакого дела до того, что курит она не первый год и заботится не о себе одной. Если же принимать во внимание её рост, то дело в части сигарет изначально обречено на провал, а вот Тинка добывала их мастерски.

Очередь есть очередь, и Надя не имела никакого права разлёживаться и вспоминать свои приятные сны. Она живо натянула платье с большими карманами и выскользнула в коридор. Лучше всего было выбраться незаметно, но ей не повезло. В этот ранний час Нина Викторовна оказалась не где-то, а именно в коридоре. «Не соврёшь – не проживёшь», – любила повторять Тинка, и Надя неоднократно убеждалась в полезности этих слов, она давно понимала, что врать надо не абы как, а мастерски, перемешивая правду с вымыслом, и главное – уверенно. Тинкины уроки она усвоила отлично.

– Нина Викторовна, можно я сбегаю до остановки, мне от сестры письмо привезут, – Надя смотрела на воспитателя снизу вверх правдивыми глазами.

– Это кто же тебе привезёт? Врёшь, наверно?

– Тётя Тома, соседка, она в Южно-Сахалинск в больницу приехала, – не моргнув глазом, соврала Надя.

Никакой соседки тёти Тома не было и в помине, врать её заставила необходимость оказаться на автобусной остановке раньше вездесущего Сёмки, который повадился выбирать лучшие окурки. Но окурки и ей нужны позарез – на четверых у них с девчонками осталось только две полные сигареты, выпрошенные Зиной у какого-то парня, и теперь подошла Надина очередь обеспечивать всех на следующую неделю. Недостатка в окурках на автобусной остановке никогда не было, и если бы не пронырливый Сёмка, не было бы и проблем.

Воспитательница продолжала укладывать в мешки постельное бельё для прачечной и, кажется, забыла о Наде.

– Так я пойду? – напомнила о себе девочка.

– Смотри у меня – мигом туда и обратно.

– Спасибо, Нина Викторовна, – Надя побежала к двери, и в это время в коридоре появился Сёмка. Ему не надо было объяснять, что заставило её подняться в такую рань, сказочки про тётю Тому – это для воспитателя, а он живёт на свете почти тринадцать лет, и его на мякине не проведёшь. Сёмка со всех ног устремился к двери, но его остановил окрик Нины Викторовны:

– Сёма, вот хорошо, что ты проснулся! Помоги мне отнести бельё в прачечную. Подожди минутку, я ещё шторы сниму.

Сёмка исподлобья глянул на Надю, красноречивее слов высказав взглядом всё, что он о ней думал в эту минуту, да и о воспитательнице тоже. После Ёжика на остановке делать нечего – всю траву прочешет.

С хмурым видом Сёмка уселся на стул, а Надя, показав ему язык, выскочила за дверь.

– Обуйся! – прокричала уже вслед Нина Викторовна и покачала головой: – Да что же это за девчонка такая оголтелая – вихрь, да и только!

На остановке никого не было, кроме мужчины с портфелем, который не спеша покуривал, сидя на лавочке. Сигарета быстро убывала. Стали собираться люди, в основном, женщины – они Надю не интересовали. Не отрывая взгляда, она смотрела на курящего мужчину и пробовала на нём свои телепатические способности:

– Хватит уже, покурил – дай другим покурить, – мысленно внушала ему Надя, сосредоточившись на сигарете. Бросай, бросай, бросай! мне ведь ещё надо успеть добежать и затушить, пока не истлела совсем, – уговаривала она.

Подействовало! Мужчина поднялся, бросил сигарету, но, посмотрев на девочку в казённом платье в напряжённой позе бегуна на высоком старте, усмехнулся и раздавил окурочком начищенного ботинка.

– Курить вредно, детка, так и заруби себе на носу, – назидательно произнёс он и направился в сторону вокзала.

– Жлоб, – прошептала Надя, провожая его взглядом, и, заметив, что тот удалился на безопасное расстояние, крикнула: – Жлоб начищенный! – выплеснув с этими словами всю свою досаду, обиду и что-то ещё, заставившее её прищурить глаза и закричать так, чтобы слышали все, вслед этому холёному очкарику в шляпе.

Подошёл автобус, и через минуту на остановке никого не осталось. Оглядываясь по сторонам, одновременно шарила и по траве глазами. Большой карман на подоле её платья быстро наполнялся окурками. Можно бы и уходить, но в это время она заметила парня, который курировал сигарету, не обращая внимания на приближающийся автобус. «Вот лох! – Надя обрадовано наблюдала за непрактичным пассажиром, – и куда его глаза смотрят, не полезет же с сигаретой в автобус, затянется раза три, не больше». Парень поднёс зажжённую сигарету ко рту и, бросив взгляд на автобус, отшвырнул её щелчком далеко в сторону. Надя сорвалась с

места. Почти целая сигарета была мгновенно обнаружена, загашена и отправлена в карман с окурками.

– Великанова, ты что тут потеряла? – Этот голос она узнала бы из тысячи. Как же она забыла, что утром на автобусе приезжает на работу директор детского дома? Надя вскочила и, глядя в лицо директора широко открытыми от страха глазами, залепетала:

– Стекляшка, красивая, я её в траву уронила...

– Стекляшка? А ну, выворачивай карманы, посмотрим, что там у тебя за стекляшка!

Больше всего на свете ей хотелось задать стрекача, а ноги будто приросли к месту. Она нерешительно опустила руку в карман:

– Простите, Борис Алексеевич, я больше не буду! – такой ответ подходил на все случаи жизни, девочка всё ещё надеялась, что пронесёт, но на этот раз удача оказалась не на её стороне.

Директор резко выдернул её руку из кармана. Пальцы от неожиданности разжались, измятые окурки брызнули во все стороны.

Надя охнула, испуганно взглянула на директора и тут же покатила в траву от увесистого подзатыльника. Она мгновенно вскочила на ноги и, с ужасом заметив окровавленное горлышко разбитой бутылки, поняла причину резкой боли. Директор тоже сразу понял, в чём дело и подхватил её на руки.

Первый раз в жизни Надя оказалась настоящим пациентом, требующем сочувствия и внимания. Больничный запах напоминал о чём-то очень приятном, и неожиданно для себя Надя зашмыгала носом и вдруг разрыдалась, размазывая по щекам крупные слёзы. Ничего не понимая, медсестра старалась успокоить девочку, но плач только усиливался. Наконец она уснула, продолжая всхлипывать даже во сне. Рано утром медсестра густо обсыпала её голову дустом и замотала полотенцем, но в изолятор не перевела, ведь Надя была не просто девчонка, которая купалась где попало и нацепляла вшей, а пациентка с глубокой раной на ноге, которой наложили восемь скобок, делали перевязки, жалели и сочувствовали.

О занятии, за которым Борис Алексеевич застал её на автобусной остановке, никто так и не узнал. Директор навещал воспитанницу, приносил конфеты, и она радовалась, что её простили. О подзатыльнике она забыла ещё до того, как попала в больницу. Просто так он никогда никого не бил, а уж если досталось, то за дело, ни о какой обиде вообще не могло быть и речи.

Рана быстро затянулась, зажила, и всё пошло своим чередом, а широкий шрам поперёк ступни так и остался напоминанием о том, что курить вредно для здоровья.

Одноклассница Аня пригласила Надю на выходной день к себе домой вместе с подружками, и девочки всей комнатой собирались в гости.

– Они же корейцы, – просвещала всех Тинка, – значит, собак едят, накормят нас собачатиной, и мы станем собакоедами, – зубоскалила она.

– Дура, – обиделась Галя, – я что, по-твоему, тоже собак ем?

– А кто тебе их даёт? Ела бы, только за ушами пиццало!

– Ну и не ходи, никто тебя туда не тащит. – Галя отвернулась.

– Как это не ходи? – удивилась Тинка, – я, может быть, всю жизнь мечтала собачатины попробовать, да я не пойду, а побегу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.